

Я хочу говорить об опасном вирусе — вирусе равнодушия друг к другу... Ведь это нелепо, что водитель, с минуту подождавший бегущего за автобусом, классифицируется как человек, совершивший что-то сверхъестественное. Я все чаще замечаю растерянность на лицах людей, которым уступая дорогу, столкнувшись с ними в дверях. А кого сейчас, как правило, называют «хорошим человеком»? Человека, соблюдающего элементарные моральные нормы...

Мне не раз приходилось видеть, как студенты на практике в детской больнице, усевшись в палате на подоконник, начинают болтать о своих пустяковых делах, не обращая внимания на детей. На больных детей, которым, как никому другому, нужны ласка, забота, участие. Страшно, когда врач брезгливо передергивается, прикасаясь к градуснику, поставленному больному ребенку... Это не значит, однако, что он не ухаживает за своими детьми. Но до чужих детей ему нет дела. А раз нет жалости к людям — нет человечности.

Бытует мнение: чтобы ребенок вырос добрым, в доме должно быть животное. Но, как правило, вся забота о щенке или котенке сваливается на бабушку или маму. А попробуйте-ка спросить у такого маленького «друга животных»: почему вот уже неделю не ходит в школу его одноклассник? Или еще проще — когда день рождения его бабушки, той, ухаживающей за щенком? В ответ, уверена, услышите недоуменно-равнодушное: «Не знаю...»

Дело не только в том воспитании, которое ребенок получает в семье. Много ли делается в школе, чтобы привить маленьким гражданам такие понятия, как забота, сострадание, жалость? Почти ничего. Я сама недавно училась в школе. Не помню, чтобы, когда я болела, кто-нибудь особенно интересовался моей судьбой. Это шокировало мою маму. Она рассказывала, что

в «их время» одноклассники часами просиживали у своих заболевших товарищей, объясняя им пройденное. И не потому, что их кто-то обязывал. Просто всем до всего было дело.

...«Ни на что не годится тот, кто годится только для самого себя», — писал Вольтер. Необязательно, впрочем, вопрос стоит так категорично «только для себя». В последние годы широкое распространение получило так называемое «подсезбничество». Если моему сыну, мужу надо — все остальные хоть умри! Если я спешу на свидание к подруге — я должен любой ценой втиснуться в троллейбус, пусть даже мне придется кой-кого выпихнуть или «переломать кости» нескромным старушкам. Словом, надо «уметь жить»!

Впервые услышав новое для него сочетание «уметь жить», ребенок спрашивает: что это значит? Мама может объяснить ему, что такое «уметь танцевать» или, скажем, «уметь дружить». Но что ответить ему на этот раз? Что уметь жить — это подчиняться законам добра и справедливости, великодушия и бескорыстия?..

Е. ИВАНОВА

ЛЕНИНГРАД

Письмо читателя
комментирует писатель

Григорий БАКЛАНОВ

ДЕЛО СОВЕСТИ

МОЖНО не согласиться с отдельными положениями письма, но в целом Е. Иванова пишет о том, что сегодня тревожит многих. Меня, например, не умиляет постоянное утверждение литературоведов, что мы — самая читающая страна в мире, когда видишь в метро, как молодые люди читают сидя, а пожилые — стоят. И уже сложилось нечто вроде поговорки: «Сиди, пока молод, составишься — еще настоишься». Однажды я сказал громко, чтобы слышно было в вагоне: «Молодые инвалиды! Уступите место женщине с ребенком!» Вскочил мужчина средних лет, который «дремал». Он потому и сидел, закрыв глаза, что совесть свою усыплял, но она все же подкинула его. А эти только повернулись с любопытством на голос, они сидели как раз под надписью: «Места для пассажиров с детьми и инвалидов». Они в самом деле инвалиды. Руки, ноги у них целы, но совесть — инвалидна.

Обычно, физические недостатки не приняты выставлять напоказ, но это уродство — уродство совести — порой даже не стараются скрывать. А может быть, оно уже не считается уродством? Вот умилительная картинка: парень и молодая женщина, симпатичные внешне, сидят рядом, и он из кулечка кормит ее орехами в сахаре. Вернее так: он достает орешек, она тянется губами, он спокойно кладет его себе в рот. Но ей тоже передается: через два — на третий. Все мило-хорошо, они ведут себя так, словно их — двое, вокруг — никого. Но это происходит в вагоне метро, вокруг стоят люди всех возрастов, женщины с кошечками. Усовестить? А он явно ждет этого, иногда светлым взглядом поглядывает вокруг. Самоутверждается.

Почему-то думают иной раз, что в таком вызове окружающим есть определенная смелость, что индивидуалист несет в себе что-то такое, чего другим не дано. На самом деле индивидуалисты — это, как правило, те люди, которые лишены какой бы то ни было индивидуальности. Ее заменяет непомерное самомнение, желание выделиться во что бы то ни стало и любыми средствами. И все всегда что-то им должны, что-то им недодают, они же — никому и ничего. Впрочем, не будем говорить за них, послушаем лучше одного из теоретиков и практиков, как названо у Е. Ивановой, «подсезбничества».

12 мая ехал я в такси. Водитель — крепкого сложения парень, недавно отслуживший срочную службу, машину ведет прекрасно. Зовут Николаем, отец — Николай: Николай Николаевич. Уже приехав на место, мы некоторое время еще сидели в машине: ему хотелось говорить, мне интересно было слушать. А разговор наш начался случайно: вблизи улицы Чайковского, перед туннелем, водитель «Жигулей», не успевший перестроиться, попросился в наш ряд. Николай не пустил. Но тут стоявшая впереди машина тронулась резко, и «Жигуленок» успел воткнуться. Не слышал его владелец, что сказано было ему вослед. Подумалось, это обычная неприязнь, вернее, некоторое презрение профессионала к любителям. Когда простоявшие всю зиму во дворах машины, так называемые «подснежники», весной выездают на улицы и их хозяева, потерявшие остроту реакции, неуверенно тащутся в общем потоке, а у таксистов — план, тут их можно понять. Но он все грез, разогревал в себе досаду:

— А был бы мотоциклист, ни за что бы не пустил! Стукнул побойтся. А стукнул, обгоню, поставлю машину поперек, пусть бьется!

Тут я впервые заметил, как

кая у него жесткая складка рта. И на фотографии небольшой рот сжат жестко.

День был чудный, солнце светило еще не летнее, когда в городе уже тягостна жара: майское солнце.

— Вот вчера весь день ждал погоды, как назло, лил дожди!

— Что, ехать собрались куда-то? — спросил я.

— Мотоцикл у меня.

— И не надоедает вам ездить?

— На машине я работаю, а мотоцикл — для души. Я на нем душой отдыхаю.

Мне он становился все интересней:

— Как же вы, мотоциклист, не пустили бы мотоциклиста? А если вас не пустят?

— Меня-а? Я просить не стану, надо мне — врублюсь!

Какой-то провал образовался в нашем разговоре, мы стояли, ждали зеленый свет. Вдруг он сказал:

— Машина тоже живая. Она ест, пьет, дышит, она отзывчивая, все понимает. Я когда вижу — разбился, мне машину жалко.

— А человека?

— Нет! Не она его разбила, он ее разбил!

— Но вы же его не знаете, может, хороший был человек?

— Люди все одинаковы. Только одни притворяются, лицемерят, а другие говорят прямо. Я — прямо говорю.

— Чем же люди так вас обидели?

— А чего они мне хорошего сделали? Никто не живет так просто, каждый для себя и под себя норовит. А слова — это для дураков, для отвода глаз. Я по крайней мере не вру, говорю прямо: кто смог, тот взял. И все так живут. Я вот, например, на сто процентов лучше большинства людей.

Такое услышав, нечасто, он сказал это убежденно.

— Я не пью, не курю, в азартные игры не играю...

— Так это вы все для себя, не для других.

— ...не ворую!

Но неужели вы никому ничего просто так, от души не захотите сделать?

— Почему? У меня друзья есть. Но если мне кто навредит, я ему в десять раз больше отомщу... Это вот когда все будут жить, как вы говорите, тогда и я — пожалуй-ста. Можете зайти, проверить, оставлю адрес. А дураком, чтобы надо мной же смеялись, — не желаю! Вот идут на меня трое, окружают: «Дай закурить...» Снесу я их. Ного судят? Меня! Или заступился за человека на улице. Опять меня судят: превысил необходимый предел обороны.

— А приключилось?

— Допустим!

И все же хотелось верить, что он не столько меня, сколько себя самого убеждает. Он говорил, как откровение, вещи, которые и тысячу, и две тысячи лет назад говорились. И всегда бездарному нужно было, чтобы все вокруг были бездарны, хитрый утверждал, что все хитры, только скрывают умело, а вор, что все — воры. Всегда определенной части людей нужны обстоятельства, которые оправдывают: не я плох, обстоятельства вынуждают, я только дураком быть не желаю.

И всегда были люди, которые не обстоятельства винили, а себя. Потому что кто же, кроме нас самих, делает обстоятельства человеческими? Так было и во время войны, и в дни мира, и во все переломные моменты истории. «Я» и «мы». Никем не подчиняно, и вряд ли можно сосчитать, во что обходилось человечеству сознание своей исключительности далеко не лучшими из людей. Лучшие, на ком жизнь стоит и держится, они как раз себя не выделяют и чаще всего даже не сознают, что они — лучшие.

Впрочем, как знать заранее, кто — лучшие, кто — худшие? Ни те, ни другие никаким особым знаком не отмечены. Вот Е. Иванова цитирует слова Вольтера: «Ни на что не годится тот, кто годится только для самого себя». Мысли великих авторитетов, высказанные к тому же афористично, всегда производят впечатление абсолютных истин. Еще и не подумав, сразу хочется принять, как хочется взять в руки компактно и красиво упакованную вещь. Но если даже признать, что тут — не только упаковка, а все же опять спросу: как, по каким признакам в обычной жизни, где человек проявляет себя далеко не полнотой, где и сам-то он не

знает себя хорошенько, верней, еще не узнал, как определить, кто на что годится? А главное, можно ли заранее на ком-то ставить крест?

Этой весной в Грузии произошло наводнение. И вот, когда обрушилось бедствие, какая сила благородства проявилась в людях, какое достоинство, как мужественны были мужчины! Что же, специально в район будущего бедствия заранее собрались самые лучшие и вовремя оказались тут? Так не бывает. Я думаю об этом шофере, который бравировал своей откровенностью, рисовался, презрительно говоря о людях: все одинаковы... каждый для себя норовит. Не удивлюсь, если в момент серьезного испытания он открыл в себе те качества, которых и сам прежде не знал, и оказался бы не из худших.

ПАМЯТЬ наша избирательна. Что-то забывается, уходит в тень, а что-то на отдалении лет начинает представляться в ином свете. «Много ли делается в школе, — пишет Е. Иванова, — чтобы привить маленьким гражданам такие понятия, как забота, сострадание, жалость?» Это,

ло некому, от нас, от каждого зависело и ее настоящее, и будущее.

В обычной жизни этот общий, сплывающий всех смыслов не так очевиден, хотя и тут, в итоге, без каждого из нас ничто не совершается. Но люди заняты обычными делами, далеко не всегда интересными. Так называемый «вецизм» (слово новое, а явление старое). «Умение жить» — все это давние спутники человечества. У одних в этом выражается вся суть, другим они просто заполняют пустоту жизни. Но большинство людей — и было, и есть — нормальные люди, хотят жить не в обход, а в ладу со своей совестью. И каждое поколение стремится осуществить себя в полной мере, стремится к делам заметным, к подвигам — это стремление не исчезает. Чем больше возможности осуществить себя, тем меньше искажается жизнь.

ВОТ, КАЗАЛОСЬ БЫ, какая разница — большая стройка, небольшая. И та, и эта нужна, труд, в общем-то, одинаковый, а условия на больших, так называемых всенародных стройках как раз в начальный период бываю даже тяжелее. И все же именно туда охотней едет молодежь. К трудностям стремится.

к сожалению, так, согласен. В письме были строки: «Я сама недавно училась в школе. Не помню, чтобы, когда я болела, кто-нибудь особенно интересовался моей судьбой. Это шокировало мою маму. Она рассказывала, что в «их время» одноклассники часами просиживали у своих заболевших товарищей». Мама, надо понимать, училась в школе перед войной. Я тоже в то время заканчивал школу. Возможно, я сейчас рискованно навлечу на себя гнев немалых людей, но не сохранилось у меня столь трогательных воспоминаний, что одноклассники часами просиживали у постели заболевших. Но, может быть, в одном городе складывалось так, в другом — по-другому. А вот что достоверно: такое понятие, само слово это — сострадание — не было тогда, мягко говоря, популярным. А жалость вообще считалась чем-то, унижающим человека.

«Человека унижает жалость» — Сколько помню, нас учили так. ...Мертвая зверина усталость После двух отбитых контратак. На ничьей земле пылают танки. Удалось дожить до темноты... Умоляю: «Лишние портянки И белье сдавайте на бинты». Я стираю их в какой-то луже, Я о камни их со злостью тру, Потому как понимаю — нужно Это все мне будет поутру.

Спят солдаты, автоматы, пушки. Догорая, корчится село... Где ж конец проплатить постирушке? Ведь уже почти что рассвело! Все в душе моей тогда смешалось, А усталость превратилась в гнев: Человека унижает жалость? Кто б меня «унизил», покалев?..

Это — Юлия Друнина. Она тоже училась в школе перед войной, семнадцать лет добровольцем ушла на фронт. Наше поколение именно на войне училось жалеть, хотя вообще война не делает нравы лучше, а наоборот, и последствия этого еще долго ощущаются в жизни. Но и тут наша память нередко желаемое выдает за действительное. И вот начинают казаться, что многие явления, не устраивающие нас в нынешнем дне, возникли вдруг, теперь только, а они — следствие, отдаленное последствие иных событий.

Но несомненно и другое: в годину величайших бедствий, таких, как наводнение, землетрясение, нашествие врага, грозящего уничтожением, обнажается и каждому становится понятна и ощутима общая, сплывающая всех цель, а вместе с ней — и смысл твоей отдельной жизни. И хоть и тогда находятся люди, которые постигшую всех беду обращают в личное благо, — общее чувство иное. Его хорошо выразил Сергей Орлов, я приведу строки из его стихотворения «Ровесникам»:

...За пятьдесят товарищам моим, Им некуда от времени деваться, Лысеющим, стареющим, седым. А мне все кажется, Что им по двадцать. Гляжу на них и вижу те года, Где шли они Во всей красе и силе. Когда была Россия молода И судьбами ее Они вершили. Там в нирзовых планшетах Вся она Ложалась поквадратно На двухверстах, Коричневая, желтая и зеленая, Им во владенье отдана По горсткам.

Нет, это не романтизация. Кто прошел войну, а не наблудал ее издали, тот не пожелает такого испытания, страшного этого бедствия ни детям, ни внукам своим. Но на всю жизнь осталось с нами гордое сознание, что в истории и судьбе Родины был тот момент, когда защитить ее, кроме каждого из нас, бы-

ся? Для плохих руководителей это самое милое объяснение. Тут и воспоминания приходят на помощь: раньше в палатках жили, на сорокаградусном морозе, а была романтика... Да, и в палатках жили, поскольку другой возможности у страны не было. Но хорошая организация труда никак не исключает романтики.

На большой стройке, в большом деле создается, как правило, особый климат: больше простора осуществить себя — тут совершается значительное! — энергия, которая сильна и свежа в молодых людях, находит достойное применение. Сколько бы ни говорили о воспитании, ничто не воспитывает так, как само дело, но дело осмысленное, результаты которого можно гордиться или хотя бы не стыдиться его.

Кто из студентов в наши дни не ездил убирать картошку? Мера эта, поначалу, так сказать, экстраординарная, давно уже превратилась в ежегодное хозяйственное мероприятие, и тысячи горожан каждую осень едут на уборку овощей. Вот так и в тот раз, о котором пойдет речь (было это несколько лет назад), студенты одного из факультетов МГУ убрали картошку в Красногогорском районе Московской области. Урожай был хороший, сорт замечательный: длинные розовые картофелины, рассыпчатые, если испечь в костре. Установили норму: каждому за смену набрать и ссыпать столько-то корзин. Но выпаживали картошку лениво, не на всю глубину, и половина ее оставалась в земле. И вот один из студентов начал говорить, что нельзя дать ей уйти под зиму, под снег, надо бы и эту выбрать. Но норма есть норма, выпаживали не они, что им больше всех нужно? И над ним уже стали смеяться, когда смешно, тогда ведь не стыдно.

Тут первая мысль, конечно, такая: в отличие от горожан, парень этот был из деревни, знал с детства цену сельского труда, не мог допустить... и так далее, и тому подобное. Но я рассказываю о конкретном случае и о конкретном человеке. Студент этот родился и вырос в Москве. В деревне же, куда все они были присланы на уборку и жили в неотапливаемом помещении, спали, не раздеваясь, натягивая на себя все, что можно было натянуть, топились уже в это время печи в домах и заканчивали убирать свои огороды. Так вот, он попытался было уговаривать, начал сам выбирать из земли, отставая в норме, но тут, словно в насмешку над ним, словно бы для того, чтобы доказать бессмысленность его стараний, ударили ранние морозы, и уже собранная, сыпанная на поле в бурты, но не укрытая, не свезенная в хранилище картошка померзла. Урон материальный и подсчитать, и восполнить обычно бывает легче, но как восполнить нравственный урон?

Думаю, что в обществе, как и в семье, воспитание и дело, воспитание и образ жизни неразделимы. И чем выше, достойней цель, к которой стремятся, тем большую радость дарит труд, особенно совместный труд, который один лишь сродни празднику.

Есть интересное исследование одного нейрохирурга, я как-то писал о нем. Он утверждает, что положительные эмоции у людей связаны главным образом с сохранением вида, отрицательные — с сохранением индивидуальности: так устроен человек, это заложено в нем, передавалось из поколения в поколение, и все вместе взятые войны и истребления не смогли погасить это в людях. Поэтому и жив род людской, уцелел, выжил среди стольких бедствий, что высшая радость всегда была связана с сохранением вида. В том числе и тогда, когда ради всех люди жертвовали собой..